

—

I.

Гу Сьюаню казалось, что он спал очень долго — так долго, что многие воспоминания покинули его, а на их место, словно через воронку, насильно впихнули чужие знания.

Он медленно открыл глаза.

Его взору предстали бескрайние золотистые поля цветущего рапса. В ушах стоял многоголосый гомон человеческих голосов, перемежающийся характерным «кудахтаньем» и грохотом тракторного двигателя: «квонг-квонг...».

Он сидел в прицепе трактора, который мерно катил по проселочной дороге.

Почти все люди рядом с ним были изнуренными и болезненно худыми, одетыми в застиранную до белизны, а порой и совсем ветхую домотканую одежду. Лишь несколько молодых людей выделялись нарядным видом, но было очевидно, что они не местные — должно быть, это новые городские знатные «образованные юноши», приехавшие сегодня в деревню.

Шел конец семидесятых годов прошлого века в параллельном мире.

...

Примерно через сорок минут трактор остановился у ворот штаба производственной бригады «Вперед». Гу Сьюань, подхватив туго набитый мешок из змеиной кожи, ловко спрыгнул на землю.

Тетушка, ехавшая с ним, радушно крикнула:

— Сьюань, как вернешься домой, не забудь заглянуть к нам в гости!

Водитель трактора, дядя Ли, тоже с улыбкой добавил:

— Сьюань, если в следующий раз с трактором в бригаде что случится, я снова тебя позову на помощь. А то неохота тащиться в коммуну за мастером.

Гу Сьюань бесстрастно кивнул:

— Хорошо.

Когда он уже отошел на приличное расстояние, тетушки за его спиной всё еще продолжали обсуждать его:

— А этот третий сын семьи Гу и впрямь не промах. Уезжал на подработки, а сам умудрился выучиться чинить и водить технику.

— С виду такой молчаливый, а дело знает. Если бы он сегодня на дороге не заметил, что с трактором неладно, тот автобус в нас бы точно врезался. И полегли бы мы все тут...

— И то правда... Как вспомню, так в дрожь бросает.

Образованные юноши, сошедшие с того же прицепа, провожали Гу Сьюаня взглядами, прищуриив глаза.

Гу Сьюань шел по сельской дороге в западную часть деревни, неся свой мешок. Их деревня называлась Юньси, но в это время деление шло в основном по производственным бригадам — ведь рабочие места, зерно и даже сертификаты распределялись именно ими.

Юньси была большой деревней и делилась на три бригады: «Победа», «Процветание» и «Вперед». Семья Гу, в которой жил первоначальный владелец этого тела, принадлежала к бригаде «Вперед», и все её члены жили в западной части деревни Юньси.

Гу Сьюань был высоким и длинноногим, шагал быстро, поэтому уже через несколько минут показалась ограда дома Гу. В этот же момент оттуда донеслись громкие крики.

— Когда надо в кухне работать — тебя и след простыл, а как жрать — так бежишь быстрее всех! Прямо как голодный призрак из преисподней переродился!

Во дворе мать семейства Гу с грохотом опустила миску на стол, в упор глядя на Се Ияна, который в этот момент как раз тянулся за едой.

Се Иян, не меняясь в лице, отправил овощи в рот, прожевал и проглотил. Затем он с ленивой улыбкой посмотрел на сидящего напротив Гу Лили и неспешно произнес:

— Лили, ты в следующий раз работай поактивнее, а то мама даже во время еды не забывает из-за тебя впадать в ярость.

Гу Лили изначально ел и втихомолку злорадствовал, глядя на Се Ияна. Его третья невестка был на редкость эгоистичным и неприятным типом, которого ненавидели все в доме Гу, а брань матери в его адрес была делом обыденным. Он и подумать не мог, что этот человек посмеет перевести стрелки на него. Как нелепо.

Разумеется, в следующее мгновение гнев матери вспыхнул с новой силой. Она ткнула палочками в сторону Се Ияна и прикрикнула:

— Что ты там несешь? Как ты смеешь обижать Лили?

Се Иян продолжал улыбаться:

— Мама, это вы его обижаете. Я лишь повторяю ваши слова.

— Ты... Ты... — руки матери задрожали от злости.

Се Иян продолжил:

— Мама, честно говоря, вы, должно быть, давно недовольны тем, что Лили никогда не работает в поле, а ест лучше всех? Иначе зачем бы вам ругаться прямо во время обеда?

Мать Гу в ярости выкрикнула:

— Ах ты бесстыжая тварь, хватит юлить! Я ругаю тебя!

Тут Се Иян перестал улыбаться и совершенно спокойно сказал:

— О, значит, в семье Гу всё устроено так: невестка должна пахать в разы больше, чем их

собственный гер, иначе будет выслушивать ругань за столом. А вот младшему геру позволено целыми днями сидеть дома и палец о палец не ударить. Мама, не волнуйтесь, я обязательно разнесу эту весть по всей деревне. Уверен, с такими «прекрасными» семейными традициями свадьбы четвертого брата и Лили пройдут очень гладко.

— Ты смеешь мне угрожать?! — Мать Гу вышла из себя и с силой хлопнула палочками по столу. Остальные члены семьи тоже обратили на них взгляды.

Се Иян поспешно закинул в рот последнюю горсть риса и лениво добавил:

— Как я могу вам угрожать? Я просто пересказал то, что вы делаете. Значит, это угроза? Выходит, вы и сами понимаете, что о ваших поступках нельзя рассказывать чужим, и осознаете, насколько ваша предвзятость к Лили переходит все границы!

Мать Гу впилась в него взглядом:

— Ну и что, что я выделяю Лили? Как ты смеешь сравнивать себя с ним? Он — прирожденная звезда удачи, он рожден для счастья и должен есть всё самое лучшее...

Услышав это, Се Иян даже не рассердился. Его голос зазвучал вкрадчиво:

— Мама, я бы советовал вам так не говорить. Несколько лет назад боролись с пережитками прошлого, я слышал, даже храмы в горах снесли. А вы всё твердите «звезда удачи» да «звезда удачи»... Вы что, хотите пропагандировать феодальные суеверия?

— Что ты сказал?!

При этих словах мать Гу окончательно изменилась в лице.

Гу Лили, который до этого лишь наблюдал за спектаклем, тоже не выдержал:

— Третья невестка, как ты смеешь нести такую чушь?

Се Иян бросил на него ледяной взгляд и усмехнулся:

— А что такое? Разве я сказал не правду? Пока ты каждый день пользуешься благами своего статуса «звезды удачи», ты помалкиваешь, а как припекло — сразу задергался?

— Ты... — чистенькое лицо Гу Лили покраснело от гнева.

— Хех... — Се Ияну было лень продолжать. Он взял свои миску и палочки и встал. — Я закончил. Отец, мама, старший брат с женой, приятного аппетита!

В этот самый момент Гу Дахай, старший внук семьи Гу и самый ярый защитник Гу Лили, в ярости подбежал и со всего размаху боднул его головой в бок:

— Как ты смеешь обижать моего маленького дядю! Я тебя сейчас раздавлю!

Лицо Се Ияна мгновенно изменилось.

Как бы остер он ни был на язык, он все же оставался хрупким гером, в то время как Гу Дахай был десятилетним подростком, уже набравшим силу. От этого внезапного и мощного толчка Се Иян потерял равновесие и неконтролируемо полетел назад.

В душе он уже вовсю ругался: порог дома был выложен из грубого камня — если он приложится об него спиной, костей не соберет. Знал бы — сдержался бы и не затевал эту ссору.

Вот же не повезло...

Однако в следующее мгновение его спина прижалась к чьим-то теплым и крепким объятиям, а талию уверенно подхватили сильные руки.

Следом он услышал, как изумленно вскрикнули мать Гу, Гу Лили и остальные:

— Лаосань*...

— Сань-гэ**... ты вернулся?

[*В китайских семьях обращения Лаода (老, lǎodà), Лаоэр (老, lǎo'èr), Лаосань (老, lǎosān) и Лаосы (老, lǎosì) используются для обозначения порядка рождения детей. Префикс 老 (lǎo) в данном случае не означает «старый», а имеет только грамматическое значение и одновременно привносит оттенок близости. 老大 (lǎodà) — самый старший ребенок из братьев; 老二 (lǎo'èr) — второй по старшинству ребенок; 老三 (lǎosān) — третий ребенок; 老四 (lǎosì) — четвертый ребёнок.]

[**Сань-гэ (三, sāngē) — это китайское обращение, которое дословно переводится как «третий старший брат». В семье так называют третьего по старшинству старшего брата. Если у человека несколько старших братьев, их нумеруют: Дагэ (大, dàgē, 老大) — самый старший («первый») брат; Эр-гэ (二, èr gē, 老二) — второй старший брат; Сань-гэ (三, sān gē, 老三) — третий старший брат; Сы-гэ (四, sì gē, 老四) — четвертый старший брат.]

Се Иян прищурился.

«Ого, неужели вернулся его муженек, который на второй день после свадьбы умчался на заработки и полгода не показывался?»

— Стой ровно.

В этот момент над самым ухом раздался холодный, слегка хриловатый мужской голос.

Се Иян опешил. Он повернул голову к человеку за своей спиной и пробормотал имя:

— Гу Сьюань...

Гу Сьюань кивнул и спокойно ответил:

— Я вернулся.

В сердце Се Ияна сначала вспыхнула радость, но тут же сменилась скепсисом, и он невольно скривил губы.

«Ну вернулся и вернулся. Подумаешь. Хм, если ты на второй день после свадьбы позволил семейке Гу спровадить себя на стройку с глаз долой, неужели я могу рассчитывать, что теперь ты за меня заступишься?»

Мать Гу, глядя на высокую фигуру в дверях, сначала остолбенела, а потом заулыбалась:

— Лаосань, что же ты сегодня вернулся и не предупредил? Обед-то мы уже весь разложили... а эта твоя женушка, как ни сядем есть, так норovit себе из котла самую гущу выловить...

Гу Сьюань посмотрел на мать и холодно произнес:

— Раз еды нет, то и ладно. Я пойду в комнату, прилягу.

Сказав это, он мазнул взглядом по Се Ияну и, подхватив свой мешок из змеиной кожи, направился к их жилой пристройке.

Мать Гу и Гу Лили нахмурились. Им показалось, что за те полгода, что Гу Сьюань провел на заработках, его характер сильно изменился.

Дом семьи Гу был отстроен заново, когда женился старший брат Гу Сьюаня. Хоть он и был сложен из саманного кирпича, но был просторным, с множеством комнат — всего их было восемь.

Се Иян зашел в комнату следом за Гу Сьюанем и сразу же прикрыл за собой дверь.

Гу Сьюань не обратил на это внимания. Он присел на край кровати и осмотрел помещение.

Саманные стены, скудная обстановка, которая из-за чрезмерной чистоты казалась еще более пустой: старый платяной шкаф, деревянная кровать да потертый низкий столик под рукой.

И еще длинный стол у окна, под ножку которого была подложена деревяшка. На столе стоял треснувший керамический кувшин, в котором красовалось несколько свежесобранных полевых цветов, привнося нотку свежести и изящества в эту убогую комнату.

Се Иян посмотрел на него и неприязненно спросил:

— Зачем позвал? Неужто подарок мне привез?

К этому мужу, который сбежал сразу после свадьбы, даже не попрощавшись, он не испытывал ни капли симпатии.

— Угу, — коротко отозвался Гу Сьюань.

— ... — Се Иян замер от неожиданности.

Неужели правда привез?

Поколебавшись, он подошел и присел на край кровати.

Гу Сьюань опустил мешок на пол, развязал его и равнодушно произнес:

— Это всё я купил. Посмотри, пригодится ли.

Се Иян поначалу не придавал этому значения, но, заглянув в приоткрытый мешок, мгновенно просиял. Не дожидаясь приглашения, он подтянул мешок к себе и принялся с восторгом перебирать вещи.

Глядя на его резко переменившееся настроение и вспоминая недавнюю ссору во дворе, Гу

Сьюань подумал: характер цели его миссии действительно совпадает с тем, что передала система.

Это был конец семидесятых годов прошлого века в параллельном мире.

Однако, в отличие от оригинального мира Гу Сьюаня, здесь существовали горы.

Главным героем шоу этого мира был как раз гер — настоящий «всеобщий любимец» и «карп кои» (символ невероятной удачи), а именно тот самый Гу Лили, с которым только что повздорил Се Иян.

Мать Гу родила пятерых детей, и Гу Лили был пятым, самым младшим.

С его зачатием и рождением было связано одно совпадение.

Тогда как раз закончилась зима, запасы еды в бригаде подошли к концу, и нескольких женщин отправили в горы за дикой зеленью. Обычно это считалось хорошей работой — легче, чем в поле, к тому же можно было припрятать пару птичьих яиц или лесных плодов для своей семьи.

Мать Гу, будучи беременной, тоже попала в этот отряд.

Но стоило им дойти до подножия горы, как у неё страшно прихватило живот, и ей волей-неволей пришлось вернуться домой.

Поначалу она очень расстроилась.

Однако к вечеру выяснилось, что дикие кабаны в тот год вышли на поиски корма раньше обычного. И отряд женщин, собиравших зелень, столкнулся лоб в лоб сразу с тремя кабанами.

Пятеро женщин погибли на месте. Трое выживших получили тяжелейшие увечья и потратили всё семейное имущество на лечение, а одна из них и вовсе ослепла на один глаз.

Мать Гу тут же преисполнилась безграничной радости и стала оберегать ребенка в своем чреве пуще прежнего, веря, что он проявил сыновнюю почтительность и свою счастливую судьбу, тем самым спасая ее.

После того как ребенок родился, мать Гу связывала любое радостное событие в доме с этим гером, списывая всё на его удачливость. Так положение Гу Лили в этой семье стало невероятно высоким.

Мать Гу сначала «промыла мозги» собственному мужу, затем своим сыновьям и дочери. Когда сыновья женились, она принялась за невесток, а когда невестки родили внуков и внучек — продолжила внушать это им. Словом, главным смыслом существования семьи Гу стало то, что все должны баловать Гу Лили, ведь он — самый везучий человек на свете.

Деревенские жители, не отличавшиеся особым кругозором или образованием, поддались этому многолетнему внушению матери Гу и приняли всё за чистую монету. Однако среди обычных людей всегда найдутся те, кто обладает строптивым нравом.

Се Иян, супруг Гу Лаосаня (оригинального владельца тела), был именно таким. Ему было плевать на чей-то статус «счастливого сокровища» — он сам каждый день не доедал и мерз, а работа в поле выматывала его до смерти. И при этом от него ждали, что он будет потакать кому-то, у кого есть новая одежда, сладости и кто ни разу в жизни не вышел в поле? Он что,

сумашедший?

Се Иян обладал дерзким характером и был эгоистичен до мозга костей. В подобном сюжете про «всеобщего любимца и карпа кои» он, естественно, выступал в роли пушечного мяса — злодея, которого в итоге должны были «поставить на место».

Се Иян не был родом из деревни Юньси. Изначально он жил в уездном городке Циншуй. Его отец, Се Хуэй, работал бухгалтером на заводе по производству газировки, что в те времена считалось крайне почетным местом. Однако Се Иян не был родным сыном Се Хуэя — его взяли на воспитание.

Супруги Се прожили в браке много лет, но детей у них не было. Когда им исполнилось тридцать пять, они через местного посредника купили ребенка — им и стал Се Иян. Изначально они хотели купить мальчика, но за мальчиками семьи обычно приглядывали строго и заполучить их было трудно; только девочки и геры считались «обесцененными».

Когда Се Иян только попал в семью Се, супруги относились к нему очень хорошо. Однако на второй год после его появления госпожа Се внезапно забеременела и родила собственного геры — Се Цзиньюя. С этого момента положение Се Ияна стало двусмысленным.

Особенно остро это проявилось по мере того, как оба ребенка подрастали. Во-первых, когда Се Иян только появился у них, супруги Се договорились о помолвке с семьей Чэнь из того же уезда. Сначала достаток семей был примерно равным, но в последние годы семья Чэнь ухватилась за возможность, получила работу в уездном революционном комитете и приобрела немалую власть. Во-вторых, Се Хуэй за эти годы хорошо проявил себя в бухгалтерии, и завод выделил ему одну квоту на место временного рабочего.

Разумеется, и помолвку с семьей Чэнь, и рабочее место супруги Се хотели отдать своему родному геру. В итоге Се Ияна отправили в деревню, в дом родителей госпожи Се, желая поскорее выдать его замуж за кого угодно, лишь бы пристроить, даже не требуя выкупа.

Как раз в это время семья Гу искала невесту для своего третьего сына. Се Иян с детства знал, что он не родной, поэтому на само «отречение» обиды не затаил, но понимал: ради денег некоторые семьи могут продать геры какому-нибудь калеке или безумцу. Пожив немного в деревне, он рассудил, что третий сын семьи Гу вполне неплох: работает усердно, выглядит покладистым и честным. Так он и решил выйти за него замуж.

Семья Гу тоже сочла невестку, за которую не нужно платить выкуп, отличным вариантом. Так стороны быстро договорились.

Однако после того, как Се Иян вошел в семью Гу, неудивительно, что он почти каждый день конфликтовал с домочадцами, и в первую очередь — с Гу Лили. Се Иян был гером, сил у него от природы было немного, к тому же он вырос в городе и совершенно не смыслил в крестьянском труде. Да и сам он не был из тех, кто готов безропотно сносить тяготы, поэтому зарабатывал в день всего 4-5 рабочих баллов, в то время как самые трудолюбивые геры могли заработать 7-8.

Впрочем, Се Иян втайне всё подсчитал. Отец и мать Гу вместе зарабатывали около 16-17 рабочих баллов в день. Но четвертый сын Гу учился в техникуме и не работал, а Гу Лили тем более не работал, при этом ел и пользовался всем самым лучшим. Получается, их четверых кормили эти 16-17 рабочих баллов — на каждого выходило всего ничего. В семье старшего брата муж с женой были работающими и приносили около 18 рабочих баллов, но у них было

трое детей — итого пять ртов, которые нужно кормить. Что же касается их «третьей ветви», то хоть он и приносил всего 4-5 рабочих баллов, но кормить ему приходилось только самого себя. К тому же его муж, Гу Сьюань, уехал на рытье каналов, и его зарплата в двадцать юаней в месяц полностью передавалась матери Гу, что на данный момент было самым крупным доходом в семье.

Раз так, с какой стати ему вкалывать до седьмого пота и быть образцовым работником? Если честно, это вся орава семьи Гу наживалась за счет их «третьей ветви», разве не так?

Поэтому дома Се Иян изо всех сил старался не отставать от Гу Лили, который вел самую беззаботную жизнь. В конце концов, если рассудить, он был всего на два года старше Гу Лили. Вернувшись с поля, он никогда не вызывался помогать по хозяйству, ограничиваясь уборкой в своей комнате. Но когда дело доходило до еды — он никогда не отступал; если появлялось что-то вкусное — он активно боролся за свою долю и ни на йоту не уступал Гу Лили.

Се Иян считал свои рассуждения вполне логичными. Но в семье Гу такое поведение считалось недопустимым. Особенно для Гу Лили, выросшего на руках у любящих родственников, — эта третья невестка вызывала у него крайнее отвращение. Мало того что он во всем с ним спорил и нарушал покой в доме, так еще и выглядел так... вызывающе, как лисица. Лили думал про себя: «Вот вернется третий брат, я заставлю их развестись. Третий брат всегда меня слушался больше всех».

Однако через полгода после того, как Се Иян вышел замуж в эту семью, Гу Сьюань наконец закончил работу на канале. Но на обратном пути трактор, в котором он ехал, столкнулся с небольшим автобусом и улетел в кювет — человек погиб. Се Иян стал вдовцом. К тому же, поскольку Гу Сьюань ушел на стройку на второй день после свадьбы, они даже не успели вступить в близость, и детей у них не осталось.

Се Ияна и так недолюбливали, а теперь и вовсе перестали терпеть, желая просто выставить его вон. Однако Се Иян заявил семье Гу: он уйдет, но только если они отдадут ему компенсацию от транспортной компании и всю зарплату Гу Сьюаня за эти полгода.

Разве семья Гу могла на такое согласиться? Там ведь набегало несколько сотен юаней!

Тогда Се Иян просто засел в доме Гу и наотрез отказался уходить, вопя на всю округу, что если семья Гу посмеет его выгнать или обидеть, он тут же повесится на веревке прямо над их порогом. В те времена, если не брать в расчет совсем уж отбитых на голову, люди очень дорожили своей репутацией, тем более что «красные повязки» тогда свирепствовали и искали любой повод для проверок.

Так Се Иян остался в семье Гу, но его все презирали, а его положение стало еще более шатким, чем раньше.

В это же время главный герой шоу, Гу Лили, сошелся с Фэн Кэном — городским образованным юношей, присланным в деревню на работы. У Фэн Кэна была отличная семья: отец занимал пост в правительстве. После школы Фэн Кэн должен был стать секретарем в городской администрации, но из-за козней мачехи его сослали в деревню.

Такой человек, оказавшись в глуши, разумеется, не желал смириться с участью простого крестьянина. Будучи парнем сообразительным и умеющим ладить с людьми, он быстро подлизался к старосте бригады и получил непыльную работу — водить трактор. Пользуясь случаем, он частенько мотался в уезд, выведывал свежие политические новости и приторговывал всяким дефицитом (занимался спекуляцией), так что жил вполне безбедно.

Обычно такие люди на деревенских геров даже не смотрят. Но семья Гу была видной, а Гу Лили к тому же не работал в поле, поэтому кожа у него была белая и нежная — на фоне деревенских сверстников он казался небожителем среди грязи. Более того, мать Гу так его любила, что, пока остальные дети заканчивали пару классов и шли работать, Лили доучился до выпуска из старшей школы, так что ему было о чем поговорить с Фэн Кэном.

Самое главное, что Гу Лили действительно был везунчиком: каждый раз, когда он шел в горы, он находил что-то ценное, помогая Фэн Кэну в его нелегальной торговле. Возможно, деревенская жизнь была слишком тоскливой, но Фэн Кэн и Гу Лили сошлись и вместе занялись спекуляцией. У Фэн Кэна были связи и мозги, у Лили — удача, и дела их пошли в гору.

Се Иян был человеком хватким. Он заметил, что Лили в последнее время тратит всё больше денег, и захотел узнать, откуда дровишки. После смерти Гу Лаосаня его жизнь в семье стала невыносимой, и он искал выход.

Вскоре, когда все вместе отправились в уездный город, он тайно проследил за Гу Лили. Оказалось, что Лили и Фэн Кэн с огромными мешками зашли во двор в каком-то переулке и заперли за собой дверь. Когда они вышли, мешки были пустыми, а на их лицах сияла радость. Что они там затеяли?

Стоило им выйти из переулка, как Се Иян в лоб спросил их, какой секрет они скрывают. Парочка перепугалась — они и подумать не могли, что за ними следят. Однако Фэн Кэн был умен и быстро выкрутился, найдя правдоподобное оправдание.

Но Гу Лили всё равно было не по себе. Се Иян не дурак: сейчас он, может, и поверил, но потом, глядя на их расходы, быстро догадается, что они занимаются «капиталистической спекуляцией». Если бы на месте Се Ияна был кто-то другой из семьи Гу, они бы максимум пожурили Лили, а потом стали бы помогать ему скрывать это. Но Се Иян всегда был в ссоре с Лили и славился своим язвительным нравом. После такого он, если и не донесет, то точно начнет шантажировать их, выкачивая выгоду. Хуже всего было то, что теперь у него в руках был компромат, и он мог тянуть из них жилы до бесконечности.

Гу Лили не хотел делиться тем, что заработал тяжелым трудом... Поэтому, посоветовавшись с Фэн Кэном, он решил ударить первым.

Так как Лили часто бывал в уезде, он знал кое-что о семье Се Ияна. Он знал, что у того раньше был жених по имени Чэнь Цзэсинь, который работал в уездном революционном комитете, но позже женился на брате Се Ияна — Се Цзиньюе. Лили тайно отправил Чэнь Цзэсиню письмо, якобы от имени Се Ияна: мол, муж мой помер, мне очень одиноко, хочу встретиться.

Чэнь Цзэсинь, конечно, помнил Се Ияна — он с детства заглядывался на его красоту, и только когда тот сам уехал в деревню, Чэнь оставил эту затею. Но теперь-то Се Иян овдовел, а письмо прозрачно намекало, что он хочет вернуться в объятия былой любви. Жена другого, вдова... говорят, в этом есть особый вкус.

И он вприпрыжку побежал на свидание. Увидев Се Ияна, Чэнь Цзэсинь тут же воспылал страстью и набросился на него.

И именно в этот момент «совершенно случайно» там оказался Се Цзиньюй. Утром он получил записку, что его муж тайно встречается с кем-то, и не ожидал, что это правда. Увидев такую картину, он тут же поднял невообразимый скандал. Чэнь Цзэсинь перепугался до смерти и сразу же пошел в отказ, заявив, что это Се Иян нарочно его соблазнил письмами. Он работал в правительстве, и репутация была для него важнее всего.

Тут как тут Фэн Кэн привел патрульный отряд революционного комитета. Отец Чэнь Цзэсиня был одним из членов комитета, поэтому командир отряда, конечно, узнал его. Что бы ни объяснял Се Иян, судьба дела была решена: во всём виноват Се Иян, а Чэнь Цзэсинь просто пришел из жалости повидаться со старым знакомым. С такой внешностью, как у Се Ияна, он и так не выглядел порядочным человеком. Плюс то самое письмо в качестве улики.

Так Се Иян, просто съездив в город, превратился в «испорченную обувь», на которую все указывали пальцем. Его схватили, устроили публичную критику и забросали тухлыми яйцами. Когда он, едва живой, вернулся в деревню, об этом позоре уже знала каждая собака. Семья Гу, воспользовавшись случаем, выставила его вон. Се Иян был серьезно ранен, и той зимой, страдая от холода и голода, он умер.

Что касается главных героев, то через год они сдали вступительные экзамены и уехали учиться в пекинский университет. Используя богатство, накопленное спекуляцией, они продолжили бизнес в столице и в конце концов стали знаменитыми на всю страну предпринимателями-миллиардерами.

Текущее задание: изменить судьбу Се Ияна и помочь ему обрести счастье.

Награда за успех: Одна возможность участия в лотерее.

Штраф за провал: Награда не будет получена.

Се Иян с энтузиазмом вытащил из мешка эмалированную плевательницу, стоявшую сверху, и поставил её на пол. Затем он достал из неё пакет апельсиновых леденцов и пачку молочных конфет «Белый кролик». Обнимая плевательницу и сладости, он вскинул свои тонкие брови и с сияющим видом спросил:

— Это всё мне?

Гу Сьюань кивнул:

— Если нравится, оставь в комнате.

По характеру прежнего хозяина тела, всё это нужно было отдать матери Гу или подарить Гу Лили, но теперь, конечно, всё досталось его законному супругу и по совместительству цели миссии.

Се Иян радостно закивал:

— Хорошо, и чур не забирать назад!

Затем он снова полез в мешок. Вскоре он выудил желто-синюю жестяную баночку с надписью «Баоцюэлин» — это был крем для лица, предмет мечтаний всех местных геров и девушек.

Се Иян тут же обернулся и в порыве чувств обнял Гу Сьюаня:

— Гу Лаосань, я был неправ насчет тебя! Ты — хороший муж!

— М-м? — только и успел вымолвить Гу Сьюань.

Но не успел он опомниться, как это теплое и мягкое тельце уже упорхнуло. Се Иян, прижимая крем к груди, вприпрыжку подскочил к длинному столу у окна, достал из ящика странное маленькое зеркальце и принялся со всей серьезностью наносить крем на лицо.

«...» — Гу Сюань промолчал.

Эта цель миссии оказалась на редкость практичным человеком.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281637>